

ФИЛОЛОГИЯ

УДК 81 '41

БИНАРНЫЕ ОППОЗИЦИИ *ЛЕГКОСТЬ - ТЯЖЕСТЬ, СИЛА - СЛАБОСТЬ, ПУСТОЙ - ПОЛНЫЙ* В СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКАХ

© Е. Е. Стефанский

Стефанский
Евгений Евгеньевич
доктор филологических наук
профессор кафедры
гуманитарных дисциплин
Самарская
гуманитарная академия
e-mail: estefanski@rambler.ru

*В статье предпринят концептуальный анализ бинарных оппозиций **легкость-тяжесть, сила-слабость, пустой-полный** в славянских языках. На широком лингвистическом и этнокультурном материале автор показывает, как эти оппозиции отразились в языках и традиционных культурах.*

Ключевые слова: бинарные оппозиции, славянские языки.

Бинарные оппозиции легкость — тяжесть, сила — слабость, пустой — полный ...

Художественный дискурс романа «Невыносимая легкость бытия» чешского писателя Милана Кундеры построен на многочисленных бинарных оппозициях¹. Заглавие романа намекает на главную из них — *легкость — тяжесть*. Вместе с тем еще в первом романе М.Кундеры «Шутка» его главный герой Людвик, размышляя о своей судьбе, использует тот же оксюморон:

Kráčel jsem po těch poprášených dlažebních kostkách a cítil <i>těživou lehkost</i> <i>prázdnoty</i> , která ležela na mém životě. ²	Я шагал по этим запыленным камням мостовой и чувствовал <i>тяжелую легкость</i> <i>пустоты</i> , лежавшей на моей жизни (Выделено мною. — Е.С.)
--	--

Примечательно, что бинарная оппозиция *легкость — тяжесть* взаимодействует в этом отрывке с оппозицией *пустой — полный*. Причем *легкость* соотносится с *пустотой* не только за счет общей семы 'отсутствие' (веса или вещества), но и за счет отрицательной ценностной характеристики в данном контексте.

Размышляя о бинарной семантической оппозиции *легкость — тяжесть* в начале романа «Невыносимая легкость бытия», Кундера спорит с Парменидом, утверждавшим, что легкость однозначно позитивна, а тяжесть однозначно негативна:

«Но действительно ли тяжесть ужасна, а легкость восхитительна? Самое тяжкое *бремя сокрушает* нас, мы *гнемся под ним*, оно *придавливает* нас к *земле*. Но в любовной лирике всех времен и народов женщина мечтает быть придавленной тяжестью мужского тела. Стало быть, *самое тяжкое бремя* суть одновременно и *образ* самого сочного *наполнения* жизни. Чем тяжелее бремя, тем наша жизнь *ближе к земле*, тем она реальнее и правдивее. И, напротив, абсолютное отсутствие бремени ведет к тому, что человек делается *легче воздуха, взмывает ввысь, удаляется от земли*, от земного бытия, становится полуреальным, и его движения *столь же свободны, сколь и бессмысленны*»³ (НЛБ: 11).

Как видим, *тяжесть* в данном случае соотносится с *заполненностью, полнотой* жизни как за счет общей семы 'наличие' (веса или вещества), так и за счет положительной ценностной характеристики в данном контексте. Одновременно Кундера (и его русский переводчик) блестяще демонстрирует, как в устойчивых языковых выражениях отразился синкретизм восприятия легкости и тяжести как позитивно-негативных концептов.

Важно и то, что в контексте фигурирует концепт *земля*. Именно на основе культа земли первоначально, по-видимому, и складывается в языке бинарная

¹ См. подробнее: *Старцева Н. Р.* Способы деконструкции бинарных оппозиций в постмодернистском романе («Невыносимая легкость бытия» М. Кундеры и «Искренне Ваш Шурик» Л. Улицкой) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2010. № 12. С. 587–591.

² *Kundera M. Žert* / М. Kundera. Brno : Atlantis, 1996. S. 248 ; *Кундера М. Шутка* / пер. Н. Шульгиной. СПб. : Азбука-классика, 2003. С. 330.

³ *Кундера М.* Невыносимая легкость бытия / пер. Н. Шульгиной. СПб. : Азбука-классика, 2003. С. 11.

оппозиция *легкость* — *тяжесть*, а также синкретические позитивно-негативные ценностные характеристики соответствующих концептов. Так, по мнению авторов энциклопедии «Славянские древности», *тяжесть* маркирует притяжение человека к земле и является нередко символом смерти. Например, о новорожденном, вес которого был необычно большим, говорили, что его «тянет к себе земля», поэтому он «не жилец»; сербы считали, что покойник тяжелее живого человека, потому что его тянет земля. Для облегчения его веса за колеса привязывали веревку, которая, волочась по земле, передавала ей лишний вес⁴.

Весьма показательно иллюстрирует это поверье герой русских былин Святогор. Его облик, как подчеркивает В. Я. Пропп, «унаследован от тех времен, когда огромный рост и нечеловеческая сила считались признаком истинного героя. <...> Он отличается *не только гиперболической величиной и тяжестью, но и гиперболической силой*»⁵ (выделено мною. — Е. С.). Вместе с тем показательно, что из-за огромных размеров Святогора «*не носила мать сыра земля*», ему «не с кем силой померяться», «*грузно от силушки, как от тяжелого бремени*». На основе этих фактов В. Я. Пропп приходит к выводу о том, что «сила эта Святогору *в тягость*»⁶. Таким образом, оппозиция *легкость* — *тяжесть* находится в тесном взаимодействии с противопоставлением *силы* и *слабости*.

По мнению исследователя, «в лице Святогора изображается герой *обреченный*»⁷. Это проявляется, в частности, в том, что Святогора тянет к себе земля. Именно поэтому он, поднимая «сумочку переметную» с «тягой земною», «по колена в землю угряз». Герой архаики понимает, что это признак приближающейся смерти: «Верно, тут мне, Святогору, да и смерти пришла». В другом былинном сюжете Святогор и Илья Муромец по очереди ложатся в гроб, который подходит по размерам только Святогору. Именно ему «в гробу лежать сужено», поэтому ни Святогор, ни Илья не могут открыть крышку гроба, а при каждой попытке разрубить ее мечом гроб покрывается железным обручем.

Примечательна также локальная привязанность Святогора к горам, которые осмысливаются как признак хтонического, подземного мира. Иномирным признаком — слепотой — обладает и отец Святогора. На этом основании авторы энциклопедии «Мифы народов мира» приходят к следующему выводу:

«С<вятогор> находится в одном ряду с такими же бесполезными хтоническими богатырями русских сказок, как Горыня, Дубыня и Усыня: не случайно в одной из былин С<вятогор> назван Горынычем, что соотносит его и с Горыней и со Змеем Горынычем. В реконструкции С<вятогор> — хтоническое существо, возможно, открыто враждебное людям»⁸.

⁴ Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. М. : Международные отношения, 1999-2012. Т. II. С. 315.

⁵ Пропп В. Я. Русский героический эпос. М. : Лабиринт, 1999. С. 78.

⁶ Там же.

⁷ Там же. С. 77.

⁸ Мифы народов мира: энциклопедия : в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. 2-е изд. М. : Советская энциклопедия, 1987. С. 421.

Как видим, в архаическом сюжете о Святогоре тяжесть обладает негативной оценочностью. Вместе с тем обряд бросания горсти земли в могилу участниками похорон несет уже достаточно противоречивую семантику. С одной стороны, этот обряд выполнялся, чтобы земля была «легкой», с другой, по белорусским поверьям, близкие родственники покойного не должны были этого делать, иначе умершему будет тяжело лежать в земле. Диалектика *легкости* — *тяжести* зафиксирована в поверье о том, что душа окончательно расстается с телом, когда на гроб упадет первая горсть земли⁹. А по польским поверьям, душа оставляет тело при входе на кладбище, причем после этого гроб тяжелеет¹⁰. Отделяясь от тела, душа может не только «улететь», но и «упасть». См. сербское выражение *док му душа не испадне* 'пока у него душа не выпадет'¹¹. По пути на «тот свет» души покойников должны пройти над водой или пропастью по узкому мосту, при этом невесомые праведные души проходят по нему, а под душами, отягченными грехами, тонкий мостик рвется, и души попадают в ад¹². Перебираясь на «тот свет», герой сказки может карабкаться вверх либо проваливаться под землю¹³.

Подобным семантическим синкретизмом характеризовались и аграрные обряды на день Вознесения Господня. С одной стороны, в этот день, проводывая посева, подкидывали в воздух печенье-лесенки, символизирующие Вознесение («чтобы так же высоко выросла и рожь»), и скатерти («чтобы лен был длинным»), поднимали за уши маленьких детей, спрашивая их: «Видишь ли Москву?», и выражали пожелание: «Расти, рожь, большая, вот такая». С другой стороны, в этот же день девушки катались по земле, что должно было обеспечить хороший урожай¹⁴. С той же целью катали в этот день по ниве и священнослужителей, чтобы снопы при жатве были такими же высокими и толстыми. При этом приговаривали: «Каков попок, таков и ленок». Такое катание по земле было одним из видов контактной магии, основанной на представлениях о взаимообусловленности репродуктивных процессов человека и земли. Показательно, что в ритуалах катания нередко актуализировался мотив коитуса с землей¹⁵.

Важно подчеркнуть, что изменение ценностных характеристик в парах бинарных семантических оппозиций, подмеченное Кундерой в случае *легкости* — *тяжести*, — это не исключение, а правило. Как отмечается в энциклопедии «Славянские древности», характерной особенностью бинарных семантических оппозиций оказывается «их спаянность с категорией оценки: в каждой конкретной ситуации один из членов оппозиции оказывается носителем положительного начала, другой — отрицательного. Эта оценка может меняться на противоположную изменением «контекста» или прагматических установок: сакральное и благодетельное в одних условиях становится опасным и злокозненным

⁹ Славянские древности... Т. II. С. 316.

¹⁰ Там же. С. 505.

¹¹ Там же. С. 164.

¹² Там же. С. 300.

¹³ Славянские древности... Т. V. С. 302.

¹⁴ Славянские древности... Т. I. С. 403.

¹⁵ Славянские древности... Т. II. С. 477–479.

ным в других. Например, четность (парность) в большинстве случаев получает отрицательную оценку, а нечетность (непарность) — положительную (непарным должно быть число подкладываемых под курицу яиц, число овец в хозяйстве, число сватов в обряде сватовства невесты, число блюд на ритуальной трапезе, число вносимых в дом поленьев, число венцов в срубе дома и т. д.). Однако, когда речь идет о брачной символике, четность имеет устойчивое положительное значение (при гаданиях о замужестве четное число — принесенных в охапке дров, обхваченных руками кольев забора, пойманных зерен и т. п. — сулит скорое замужество)¹⁶.

Интересно и то, что ни в «Славянских древностях», ни в работе Вяч. Вс. Иванова и В. Н. Топорова «Славянские языковые моделирующие системы» (1965) оппозиция *легкость* — *тяжесть* не только специально не рассматривается, но даже и не упоминается. Тем не менее приведенные выше примеры из традиционной обрядности, а также данные славянских языков свидетельствуют о важности этой оппозиции для традиционного сознания и об изменчивости ценностных характеристик ее членов в зависимости от ситуации.

Так, В. И. Даль приводит фразу *Этот человек легок* 'ветрен, опрометчив'¹⁷, сейчас бы мы сказали *легкомыслен*. В то же время в хрестоматийно известной реплике Лопахина о Раневской в пьесе А. Чехова «Вишневый сад»: «Хороший она человек. **Легкий**, простой человек» достаточно легкомысленная героиня пьесы характеризуется положительно.

Хорошо известны русские устойчивые выражения *С легкой руки* и *У него легкая рука*, положительно характеризующие удачливого человека. Вместе с тем в словаре В. И. Даля¹⁸ зафиксированы поговорки *Чужія руки легки, да не къ сердцу* и *На легкую ручку, комкомъ да в кучку* 'как ни попало, дурно', отрицательно оценивающие «легкость руки».

Аналогично в польском языке выражение *Mieć lekką rękę* [букв. 'иметь легкую руку'] может иметь два значения с противоположными ценностными характеристиками: а) 'достигать чего-то с легкостью' и б) 'быть расточительным, легко тратить деньги'¹⁹. Подобным синкретизмом оценочной семантики обладает польское словосочетание *Ciężka ręka* [букв. 'тяжелая рука']: а) 'рука, обладающая сильным ударом' и б) 'неумелая, неприспособленная к какому-либо делу рука'²⁰.

С другой стороны, внешне антонимичные русские сложные слова *легковесный* (поступок) и *тяжеловесный* (стиль изложения) оба имеют отрицательные коннотации.

Русские поговорки *Порхать, витать в облаках* и *Легкость в мыслях необыкновенная*, маркирующие легкость, обладают негативной оценочностью, тогда как связанные с идеей тяжести фразеологизмы *опуститься на землю, вес-*

¹⁶ Славянские древности... Т. III. С. 557.

¹⁷ Даль В. И. Словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1989—1991. Т. II, С. 242.

¹⁸ Даль В. И. Указ. соч. Т. II. С. 243.

¹⁹ *Słownik języka polskiego* / Red. naukowy M. Szymczak. W 3 t. Warszawa, 1981. Т. II. S. 21.

²⁰ Там же Т. I. S. 305.

кий (железный) аргумент, весомый вклад и жаргонное стопудово 'абсолютно верно' характеризуют объект с позитивной стороны.

В. И. Даль приводит диалектный глагол с положительной ценностной характеристикой *тяжбти* 'прилежать, трудиться, работать'²¹, а чуть ниже в его словаре можно встретить существительное *тяжкун* (там же), являющееся одним из эвфемистических названий беса, сатаны и потому принадлежащее к отрицательному оценочному полюсу.

Отрицательно оценивает легкую жизнь героиня фильма «Три тополя на Плющихе» Анна. На реплику таксиста «И все-то ты знаешь. На все у тебя ответ готов. *Легко* живешь» она отвечает: «*Легко* только *злыдни* живут. У них и вовсе заботы нет», однозначно относя легкую жизнь к полюсу зла. А потом, чтобы зафиксировать свое пребывание на противоположном полюсе, добавляет, используя метафору тяжести: «Дом на мне».

В русском, польском и чешском языках имеются формулы, основанные на метафоре легкости, желающие умершему легкого пребывания на «том свете»: русск. *Пухом земля*, польск. *Niech mi ziemia lekką będzie* [букв. 'Пусть ему земля легкой будет']²², чешск. *Dej mu Pánbůh lehké odpočinuti* [букв. 'Дай ему, господи легко поспать'], *Budi ž tu země lehká* [букв. 'Пусть земля ему будет легка']²³.

Вместе с тем в чешском языке можно найти и отрицательно оцениваемую легкость. См. выражение *Beře všechno na lehkou váhu* [букв. 'Он все принимает за легкий вес'] 'он ничему не придает серьезного значения'²⁴, а также фразу из экономического обзора: «Proto třeba považují za jeden z nejzávažnějších *prohřešků* minulé vlády *lehkost*, s jakou upustila svůj cíl na přijetí eura v roce 2009 či 2010» (Hospodářské noviny, 14.01.2009)²⁵, т. е. «Поэтому я считаю одним из самых серьезных *промахов* предыдущего правительства ту *легкость*, с которой оно отказалось от своих намерений перейти на евро в 2009 или в 2010 году».

Польское слово *lekkość*, по сведениям историков польского языка, в XV в. могло иметь такие негативные значения, как 'ветреность, оскорбление, обида, вред'. См., например:

W Czechach legata papieskiego mało nie zabili i *lekkość* mu wyrządzili (M. Bielski), т. е. «В Чехии папского легата едва не убили и нанесли ему *оскорбление*».

Rakuski, słysząc, iż Jagiełło jedzie, bojąc się jakiej *lekkości*, ujechał z Krakowa (M. Bielski), т. е. «Ракусский, услышав, что Ягелло едет, боясь какой-нибудь *обиды*, уехал из Кракова»²⁶.

Польские и чешские слова, маркирующие тяжесть, также обладают синкретизмом оценочной семантики. Так, польск. *ciężki* 'тяжелый' в древнеполь-

²¹ Даль В. И. Указ. соч. Т. IV. С. 455.

²² *Słownik języka polskiego...* Т. II. S. 21.

²³ *Чешско-русский словарь*: в 2 т. 2-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1976. Т. I. С. 347.

²⁴ Там же.

²⁵ *Český národní korpus* [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://korpus.cz/>

²⁶ *Długosz-Kurczabowa K. Nowy słownik etymologiczny języka polskiego*. Warszawa: PWN, 2003. S. 266.

ском языке имело значения 'неприятный, грустный, плохой, надоедливый', а в диалектах также 'гнусный, суровый, жестокий'²⁷. См., например:

*Ciężki z kaleki pan, z klechy pleban*²⁸, т. е. «*Плохой* из калеки хозяин, а из юнца пастор».

Ciężki głupiec — с презрением о ком-либо глупом, наивном, легковерном.

С другой стороны, выражение *ciężkie pieniądze* [букв. 'тяжелые деньги'; ср. русск. *тугой кошелек* с тем же этимологическим корнем] имеет значение 'большие деньги' и имеет положительные коннотации²⁹.

Чешские выражения типа *těžko chape* [букв. 'он тяжело понимает'] 'он с трудом понимает', *má z toho těžkou hlavu* [букв. 'у него из-за этого тяжелая голова'] 'это причиняет ему большое беспокойство', *přiznat se pod tíhou důkazů* 'признаться под тяжестью доказательств, улик' несут отрицательную оценочность. Тогда как в словах *těžba* 'добыча полезных ископаемых', *těžít* 'извлекать выгоду' и выражении *vydělavá těžké peníze* 'он зарабатывает большие деньги' оценочность положительная³⁰ (ЧРС: I; 430-431).

Одновременно у целого ряда устойчивых выражений, использующих метафорическую модель тяжести или легкости, очень непросто определить ценностные характеристики даже в очень широком контексте. Например, выражения типа *груз ответственности*, *навалилась работа*, *ответственность давит*, *бремя власти*, *ответственности* могут оказаться позитивно или негативно окрашенными в зависимости от позиции автора высказывания. Выражение *легко на помине* может быть окрашено как в радостные, так и в иронические тона в зависимости от предыдущих оценок человека, о котором шел разговор. *Легкий флирт* может негативно оцениваться как 'несерьезные, ни к чему не обязывающие отношения' и позитивно как умение непринужденно общаться с противоположным полом.

Нередко словосочетания, основанные на этой модели, вступают в более сложные семантические отношения. Так, *легкая музыка* противопоставлена *тяжелому року*, причем их позитивная или негативная оценка зависит от музыкальных предпочтений, а вместе они находятся в оппозиции к *серьезной, классической, музыке*.

Как отмечается в энциклопедии «Славянские древности», вследствие своей оценочной окраски семантические оппозиции «вступают в отношения эквивалентности, приравниваются друг к другу, начинают замещать друг друга и символически отождествляться». В частности, бинарная оппозиция *мужской — женский* может коррелировать с оппозициями *правый — левый* (по серб. суеверию, если дитя в утробе матери впервые зашевелится справа, то родится мальчик; если слева — то девочка); *верхний — нижний* (если ячмень вскочит на верхнем веке — родится мальчик, если на нижнем — девочка), *внутренний — внешний* (если будущая мать впервые ощутит свою беременность в доме — родится мальчик, если вне дома, на дворе — девочка)³¹. В связи с этой особен-

²⁷ Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków: Wyd-wo Literackie, 2005. S. 83.

²⁸ Długosz-Kurczabowa K. Указ. соч. S. 76.

²⁹ Słownik języka polskiego... Т. I. S. 305.

³⁰ Чешско-русский словарь... Т. I. S. 430—431.

³¹ Славянские древности... Т. III. С. 557.

ностью вполне логично, что между собой коррелируют оппозиции *легкость* — *тяжесть* и *пустой* — *полный*.

В энциклопедии «Славянские древности» справедливо отмечено, что семантическая оппозиция *полный* — *пустой* связана «с противопоставлением добра и зла, богатства и бедности, счастья и несчастья, жизни и смерти». Показательно, что многие магические действия, запреты и предписания, направленные на избежание или уничтожение зла, «часто бывают связаны с предотвращением контакта с пустыми предметами и объектами (ср. полес. *пустэ* ‘зло, нечистая сила’)»³² (СД: IV; 145-146). В традиционной культуре важным считалось сразу после родов заполнить пустоту роженицы, душу у которой забрал ребенок. Вот почему ее кормили мясом голубя — птицы, символизирующей душу³³ (СД: I; 516).

На эмоциональном уровне с *пустотой* связана *тоска*. Важнейшие смысловые компоненты, составляющие семантику русского концепта «ТОСКА» — ‘тревога’ и ‘душевная пустота’, — обусловлены этимологической связью соответствующей лексемы, с одной стороны, с глаголом *тискать*, выражающим идею сжатия, тяжести (на основе которой развивается семантика иррационального страха), а с другой — с прилагательными *тощий* и *тищный*, передающими идею пустоты³⁴.

В этом отношении показательны магические действия, направленные на защиту от тоски. Так, чтобы не тосковать по покойнику и не бояться его, родственники, вернувшись с похорон, контактируют с предметами, маркирующими пустоту: заглядывают в печь или пустую дежу. В заговорах от тоски может маркироваться идея сжатия, тяжести: тоска лежит на доске или прижата сверху доской³⁵.

Интересно, что в охотничьем заговоре тоску насылают на горностаев, при этом тоска связана с тяжестью: «...Наложит святой Никола *тоску* и сухоту и велику *тяготу*, не можно тебе, белому зверю горностаю чернохвостому, без моих плашек и без моих наживок не пити и не исти...»³⁶ (СД: V; 297).

Сосуществование этих свойств тоски — тесноты и пустоты — известный этнограф А. К. Байбуриин объясняет тем, что в ситуации смерти мир, с одной стороны, «переполняется» избыточными объектами (смерть, покойник и его атрибуты), с другой — среди живых образуется пустота, вызванная смертью близкого человека, эта пустота и заполняется тоской. В результате мир «теряет свою привычную конфигурацию, становится если не новым, то незнакомым. В этой ситуации неизменно появляется страх». По словам исследователя, для появления страха достаточно было бы чего-то одного (либо тесноты, либо пустоты), но здесь присутствуют обе схемы, и страх сопровождается тоской. Каж-

³² Славянские древности... Т. IV. С. 145—146.

³³ Славянские древности... Т. I. С. 516.

³⁴ См. подробнее: Стефанский Е. Е. Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах) : монография. Самара : Самар. гуманит. акад., 2008. С. 91—107.

³⁵ Славянские древности... Т. V. С. 296—297.

³⁶ Там же. С. 297.

дое из этих переживаний имеет свою сильную позицию: страх соотносится с присутствием смерти, а тоска — с пустотой. «В контексте похоронной обрядности, — подчеркивает ученый, — **пустота** имеет двойкий смысл: во-первых, пустота во внешнем пространстве (этот вид пустоты как раз и вызывает **страх**), во-вторых, пустота в живых, в их душах после смерти близкого человека. Такая (внутренняя) пустота связывается с **тоской**. Связь тоски с пустотой многопланова: тоска **заполняет** образовавшуюся пустоту; тоска **опустошает** человека и, наконец, тоска сама является пустотой»³⁷ (выделено автором. — Е. С.).

Традиционным сознанием тоска осуждается. А. К. Байбури объясняет это несколькими причинами. Во-первых, тоска наносит вред как живому, так и мертвому: живой начинает сохнуть, а мертвому тяжело лежать (эта тяжесть зафиксирована, в частности, в др.-русск. ТОУГА и чешск. *touha*). Во-вторых, тоска противоречит христианскому пониманию смерти как началу «вечной жизни», поэтому тосковать считалось допустимым лишь до сорокового дня, когда, по христианским представлениям, душа покойного покидает землю. В-третьих, нарушение *временных* ограничений тоски ведет к нарушению *пространственных* границ между миром живых и миром мертвых: покойник начинает «ходить» к тоскующей по нему родне.

Подведем итоги.

1. Рассмотренные оппозиции активно взаимодействуют друг с другом в языке и культуре.

2. Их аксиология может ситуативно меняться, в результате чего концепты, составляющие каждую из оппозиций, оказываются в целом синкретически позитивно-негативными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агранович С. З., Стефанский Е. Е.* Миф в слове: продолжение жизни. — Самара: Изд-во СаГА, 2003. — 168 с.
2. *Байбури А. К.* Тоска и страх в контексте похоронной обрядности (к ритуально-мифологическому подтексту одного сюжета) // Труды факультета этнологии. — СПб., 2001. — Вып. 1. — С. 96–115.
3. *Иванов Вяч. Вс., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие системы. — М.: Наука, 1965. — 246 с.
4. *Протт В. Я.* Русский героический эпос. — М.: Лабиринт, 1999. — 636 с.
5. *Старцева Н. Р.* Способы деконструкции бинарных оппозиций в постмодернистском романе («Невыносимая легкость бытия» М. Кундеры и «Искренне Ваш Шурик» Л. Улицкой) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2010. — № 12. — С. 587–591.
6. *Стефанский Е. Е.* Эмоциональные концепты как фрагмент мифологической и современной языковых картин мира (на материале концептов, обозначающих негативные эмоции в русской, польской и чешской лингвокультурах): монография. — Самара: Самар. гуманит. акад., 2008. — 316 с.

³⁷ *Байбури А. К.* Тоска и страх в контексте похоронной обрядности (к ритуально-мифологическому подтексту одного сюжета) // Труды факультета этнологии. СПб., 2001. Вып. 1. С. 99.

СЛОВАРИ И ЭНЦИКЛОПЕДИИ

1. *Даль В. И.* Словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М. : Русский язык, 1989-1991.
2. Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. — 2-е изд. — М.: Советская энциклопедия, 1987.
3. Славянские древности: Этнолингвистический словарь : в 5 т. — М.: Международные отношения, 1999-2012.
4. Чешско-русский словарь: в 2 т. — 2-е изд., стереотип. — М. ; Прага, 1976.
5. Boryś W. Słownik etymologiczny języka polskiego. — Kraków, 2005. — 864 s.
6. Český národní korpus [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://korpus.cz/>
7. Długosz-Kurczabow, K. Nowy słownik etymologiczny języka polskiego. — Warszawa: PWN, 2003. — 658 s.
8. Słownik języka polskiego / Red. naukowy M.Szymczak. W 3 tt. — Warszawa, 1981.

ТЕКСТЫ М. КУНДЕРЫ

1. *Кундера М.* Невыносимая легкость бытия / пер. Н. Шульгиной. — СПб. : Азбука-классика, 2003. — 352 с.
2. *Кундера М.* Шутка / пер. Н. Шульгиной. — СПб. : Азбука-классика, 2003. — 416 с. (Ш)
3. *Kundera M.* Žert. — Brno : Atlantis, 1996. — 328 s.